

Марии Кюсовой, Дарьи Рыжовой и Тимофея Архангельского «Схемы многозначности у русских прилагательных и наречий: корпусно-ориентированная база данных» (с. 313–322), по сути, является презентацией семантической базы данных многозначных единиц, над созданием которой работают авторы. Как утверждается в статье, эта база данных имеет не только практическое значение для частных исследований полисемии, она также содержит важные теоретические импликации. Во-первых, подтверждается идея о системной организации лексики. Во-вторых, в базе встречаются такие семантические переходы, которые не предсказываются существующими лингвистическими моделями. Следовательно, современные теории лексических процессов нуждаются в уточнении.

Сведения об авторе:

Мария Борисовна Коношенко
Российский государственный гуманитарный университет / Институт языкознания РАН /
Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
eleiteria@gmail.com

Рецензируемый сборник, несомненно, будет интересен широкому кругу читателей, в первую очередь славистам и синтаксистам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Veyrenc 1979 – Veyrenc J. Structure de la proposition infinitive impersonnelle (en russe contemporain). *Revue des études slaves*. 1979. Т. 49.
Yang 1983 – Yang D.-W. The extended binding theory of anaphors. *Language research*. 1983. Vol. 19.
Say 2005 – Say S. The pragmatic motivation of antipassive in Russian. *Pragmatics today*. Piotr Cap (ed.). Frankfurt am Main, 2005.

М.Б. Коношенко

Information about the author:

Mariya B. Konoshenko
Russian state university for humanities /
Institute of linguistics (RAS) /
Sholokhov Moscow state university for
the humanities
eleiteria@gmail.com
Moscow / Russia

O. Inkova, P. Hadermann (éds). La corrélation: Aspects syntaxiques et sémantiques. Genève: Librairie Droz S. A., 2013. 384 p. (Recherches et rencontres 32). ISBN 978-2-600-01754-1.

Рецензируемый сборник статей посвящен особому классу конструкций сложного предложения, в современной литературе называемых коррелятивными¹. В самом общем смысле коррелятивной считают любую полипредикативную конструкцию, в которой некоторый элемент зависимой клаузы формально соотносится с другим элементом главной клаузы; при этом оба элемента являются не вершинами, а полноценными составляющими (именными группами, группами наречий и т.п.), возможно выраженными местоименными формами. Часто считают, что зависимая клауза при этом должна примыкать к главной, а не к

коррелятивному элементу внутри последней («корреляту»). Примеры конструкций, однозначно рассматриваемых в современной литературе как коррелятивные, приведены ниже:

- (1) Кто не работает, тот не ест.
- (2) The more you read, the less you understand.
- (3) [jo ləŋki vāhā kʰəŋi
которая девушка там стоящая
hə], vo ləmbi hə
есть она высокая есть
'Девушка, которая там стоит, – высокая'.
(букв. 'Которая девушка там стоит, она высокая'.)
(хинди, [McCawley 2004: 291])
- (4) gā māŋ yā [kó yī
иди рис с 1+2DU спала
lē é plá] à ləŋ
женщина DEF у 3SG к
'Отнеси риса женщине, у которой мы спали'.
(уан, [Nikitina 2012: 320])

¹ Эти конструкции, точнее те из них, которые используются как относительные, известны также под некоторыми другими названиями: «местоименно-соотносительные» [Белошапова 1989: 758]; «архаический тип» релятивизации [Зализняк, Падучева 1975]; «диптих» («diptyque» [Haudry 1973]); «примыкающие относительные предложения» («angeschlossene Relativsatz» [Lehmann 1984: 122], «adjoined relative clauses» [Hale 1976]) и др.

Эти предложения хорошо иллюстрируют основные типы коррелятивов. Коррелятивы

Марии Кюсевой, Дарьи Рыжовой и Тимофея Архангельского «Схемы многозначности у русских прилагательных и наречий: корпусно-ориентированная база данных» (с. 313–322), по сути, является презентацией семантической базы данных многозначных единиц, над созданием которой работают авторы. Как утверждается в статье, эта база данных имеет не только практическое значение для частных исследований полисемии, она также содержит важные теоретические импликации. Во-первых, подтверждается идея о системной организации лексики. Во-вторых, в базе встречаются такие семантические переходы, которые не предсказываются существующими лингвистическими моделями. Следовательно, современные теории лексических процессов нуждаются в уточнении.

Сведения об авторе:

Мария Борисовна Коношенко
Российский государственный гуманитарный университет / Институт языкознания РАН /
Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
eleiteria@gmail.com

Рецензируемый сборник, несомненно, будет интересен широкому кругу читателей, в первую очередь славистам и синтаксистам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Veyrenc 1979 – Veyrenc J. Structure de la proposition infinitive impersonnelle (en russe contemporain). *Revue des études slaves*. 1979. T. 49.
Yang 1983 – Yang D.-W. The extended binding theory of anaphors. *Language research*. 1983. Vol. 19.
Say 2005 – Say S. The pragmatic motivation of antipassive in Russian. *Pragmatics today*. Piotr Cap (ed.). Frankfurt am Main, 2005.

М.Б. Коношенко

Information about the author:

Mariya B. Konoshenko
Russian state university for humanities /
Institute of linguistics (RAS) /
Sholokhov Moscow state university for
the humanities
eleiteria@gmail.com
Moscow / Russia

O. Inkova, P. Hadermann (éds). La corrélation: Aspects syntaxiques et sémantiques. Genève: Librairie Droz S. A., 2013. 384 p. (Recherches et rencontres 32). ISBN 978-2-600-01754-1.

Рецензируемый сборник статей посвящен особому классу конструкций сложного предложения, в современной литературе называемых коррелятивными¹. В самом общем смысле коррелятивной считают любую полипредикативную конструкцию, в которой некоторый элемент зависимой клаузы формально соотносится с другим элементом главной клаузы; при этом оба элемента являются не вершинами, а полноценными составляющими (именными группами, группами наречий и т.п.), возможно выраженными местоименными формами. Часто считают, что зависимая клауза при этом должна примыкать к главной, а не к

коррелятивному элементу внутри последней («корреляту»). Примеры конструкций, однозначно рассматриваемых в современной литературе как коррелятивные, приведены ниже:

- (1) Кто не работает, тот не ест.
- (2) The more you read, the less you understand.
- (3) [jo ləŋki vəhā kʰəŋi
которая девушка там стоящая
hɛ], vo ləmbi hɛ
есть она высокая есть
'Девушка, которая там стоит, – высокая'.
(букв. 'Которая девушка там стоит, она высокая'.)
(хинди, [McCawley 2004: 291])
- (4) gā mən yā [kó yī
иди рис с 1+2DU спала
lə é plá] à lən
женщина DEF у 3SG к
'Отнеси риса женщине, у которой мы спали'.
(уан, [Nikitina 2012: 320])

¹ Эти конструкции, точнее те из них, которые используются как относительные, известны также под некоторыми другими названиями: «местоименно-соотносительные» [Белошапкина 1989: 758]; «архаический тип» релятивизации [Зализняк, Падучева 1975]; «диптих» («diptyque» [Haudry 1973]); «примыкающие относительные предложения» («angeschlossene Relativsatz» [Lehmann 1984: 122], «adjoined relative clauses» [Hale 1976]) и др.

Эти предложения хорошо иллюстрируют основные типы коррелятивов. Коррелятивы

различаются функционально: в (1) и (3)–(4) приведены конструкции, функционирующие как относительные, но способные также выполнять и другие роли (ср. русск. *когда... тогда*), тогда как конструкция в (2) ограничена функцией сравнения (в литературе такие коррелятивы принято называть «сравнительными коррелятивами» – «comparative correlatives»). Кроме того, имеются и формальные различия: если в (1) и (3) присутствуют вопросительные или относительные местоимения, в норме не употребляющиеся в независимых предложениях и тем самым сообщающие одной из клауз зависимый статус, то в (2) и (4) в обеих клаузах используются показатели, не маркирующие подчиненный статус предложения (определенные ИГ, личные и указательные местоимения). Кроме того, если в русских предложениях типа (1) и в английских предложениях типа (2) зависимая клауза не может быть вложена в главную, что делает конструкции близкими к паратаксису, то такое вложение допустимо в хинди [Bhatt 2003: 504] и проиллюстрировано для уан в самом примере (4).

Эти и многие другие параметры варьирования коррелятивов в языках мира и в рамках отдельных языков отмечались в литературе начиная с классических работ [Minard 1936; Naudy 1973]. В этих работах были рассмотрены коррелятивные конструкции в санскрите и латыни, обслуживающие релятивизацию и смежные функции; именно подобные конструкции обычно считают «каноническими» коррелятивами, или коррелятивами «в узком смысле». При этом как формальное, так и функциональное разнообразие конструкций, схожих с примерами (1)–(4) в языках мира, приводит к тому, что чрезвычайно затруднительно предложить непротиворечивое определение коррелятивов, в результате чего границы этого класса конструкций оказываются весьма зыбкими. Авторы и редакторы рецензируемого сборника статей ставят перед собой задачу решить проблему определения и классификации коррелятивных конструкций путем использования многофакторного подхода, сочетающего синтаксические и семантические критерии.

В последние годы коррелятивные конструкции, благодаря своим отличиям от канонических относительных предложений и во многом промежуточному статусу между сочинением и подчинением, привлекают большое внимание исследователей, работающих в различных парадигмах. Однако из недавних обобщающих работ, посвященных коррелятивам, можно отметить лишь сборник [Lipták 2009]. Несмотря на то что появилось уже достаточно много исследований, посвященных этим конструкциям в различных языках, типология и теория кор-

релятивов сегодня продолжают основываться преимущественно на данных индоарийских языков (прежде всего, хинди), в меньшей степени – славянских, а также венгерского. Парадоксальным образом, данные латинского языка, где коррелятивы были, пожалуй, впервые после санскрита описаны подробно, практически не фигурируют в теоретических работах. Кроме того, остаются малоизученными коррелятивы в современных романских языках, где они присутствуют в качестве маргинальной, но вполне живой конструкции. Наконец, работы, посвященные русскому языку, где коррелятивы употребляются весьма широко, исчисляются единицами. Поэтому появление настоящего сборника, где подробно рассматриваются в числе прочего данные французского, латинского и русского языков, является важным шагом вперед для типологии коррелятивных конструкций, существенно обогащая ее эмпирическую базу.

Введение за авторством редакторов сборника, О.Ю. Иньковой и П. Адерманн, содержит краткий обзор общей структуры книги и каждой из вошедших в нее статей, а также включает в себя обсуждение некоторых важных общих вопросов, связанных с синтаксисом и семантикой коррелятивов. Так, наряду с перечислением ряда признаков, которые однозначно относят конструкцию к коррелятивам (таких, например, как наличие лексических пар, в том числе соответствий вида «антецедент – анафорическое выражение»; синтаксическая «созависимость» элементов конструкции), ставится также вопрос о границах коррелятивной конструкции. Так, остро стоит проблема «факультативных» коррелятивов: можно ли считать конструкции с опущением одного из элементов коррелятивными (с. 14)? Исходя из строго формального определения коррелятивов, предполагающего наличие двух явно выраженных элементов, мы вынуждены исключать из этого класса все случаи «опущения» коррелята. Во многих случаях такой анализ оправдан: так, в бесермянском диалекте удмуртского языка коррелят может отсутствовать только при совпадении его падежа с падежом относительной группы [Беляев 2012], что является типичным требованием для так называемых безвершинных относительных (*free relatives*), но не ожидаемо для коррелятивов. В осетинском языке опущение коррелята допустимо только в случае, если зависимая клауза выполняет роль целевого придаточного или сентенциального актанта и находится в конце предложения [Belyaev in print], при том, что в осетинском нулевые местоимения в норме допустимы только в позиции субъекта. Однако в некоторых языках, например в тибетском, «опущение» коррелята допустимо тогда

и только тогда, когда язык в целом допускает нулевую анафору [Cable 2009: 200–204], и для таких конструкций анализ в терминах «нулевого» коррелята представляется оправданным. Общий вывод состоит лишь в том, что данная проблема не имеет универсального решения и определение границ коррелятивов должно производиться в каждом языке на основании внутриязыковых критериев; большую роль также играют теоретические предпосылки, из которых исходит конкретный анализ. Как мы увидим ниже, статьи, вошедшие в рецензируемый сборник, полностью подтверждают этот вывод: как границы коррелятивной конструкции, так и критерии их выделения в разных работах существенно различаются даже в тех случаях, когда речь идет об одном и том же языке.

Первый раздел книги, «De la co-rélation à la corrélation», посвящен общим вопросам синтаксиса и семантики коррелятивов, проблеме определения коррелятивной конструкции и обозначения ее границ. В частности, рассматриваются проблемы классификации конструкций, схожих с «каноническими» коррелятивами в таких языках, как латинский или санскрит (ср. (1) и (3)–(4)), но не обладающих всеми характерными для них свойствами.

Статья К. Мюллера «Corrélation et complementation dans les comparatives du français dans une perspective typologique» посвящена рассмотрению французских сравнительных конструкций с позиций типологии коррелятивов и их классификации с точки зрения концепции Л. Стассена. Статья интересна прежде всего подробным рассмотрением языковых данных как в синхронной, так и в диахронической перспективе. Предлагается анализ, рассматривающий все французские сравнительные конструкции с *que* в качестве коррелятивных, а также единообразно трактующий употребление *que* в сравнительных конструкциях и в конструкции *ne... que* в значении 'только'.

Не ставя в целом под сомнение выводы автора, хотелось бы затронуть вопрос об употреблении термина «коррелятив». Так, автор утверждает, что в современных конструкциях вида *si âgé que vous vous le figurez* имеется «скрытая» коррелятивная связь, заключающаяся в кореферентности *si* с «нулевым» семантическим элементом в зависимой клаузе, обозначающим степень (с. 28). Этот вывод основывается на том, что на более раннем этапе развития французского языка были возможны примеры типа *Il n'est pas si âgé comme vous vous le figurez*, т. е. с коррелятивной связью *si... comme*; впоследствии *comme* был заменен на универсальный подчинительный союз *que*. Однако едва ли подобные диахронические соображения могут служить основанием для синхронного анализа.

Если принять для коррелятивов чисто семантическое определение, апеллирующее к понятию кореферентности (в широком смысле), то этот класс конструкций будет чрезвычайно обширен: ведь, как кажется, нет какой-либо принципиальной разницы между примерами вида *si âgé que vous vous le figurez* и вида *celle que j'ai vue* или даже *l'homme que j'ai vu*, за исключением того, что в первом случае мы имеем дело с кореферентностью между двумя мерами степени (*degree relatives* [Grosu, Landman 1998]), тогда как во втором и третьем случаях кореферентность устанавливается между индивидами. Едва ли тот факт, что в первых двух случаях вершина относительного предложения выражена местоимением, а в третьем – существительным, может служить достаточным основанием для различной классификации этих предложений.

В статье «Corrélation et rection» Ж. Корменбёф предлагает исчисление коррелятивных конструкций во французском языке с точки зрения концепции управления (*rection*) А. Берендоннера [Berrendonner 2012]. Несомненная польза такого исчисления состоит в том, что оно позволяет выделить в современном французском языке достаточно маргинальные и редкие типы коррелятивов, например: *Comme passe le tourbillon, aussi disparaît le méchant*. Однако сопоставимость такой классификации с данными других языков и применимость этого подхода в более широкой типологической перспективе не вполне очевидны. Кроме того, снова встает вопрос о границах феномена коррелятивности. Как и К. Мюллер, Ж. Корменбёф относит к коррелятивам такие предложения, как *Il y a tant de risques qu'il faut être prudent*, где единственным «коррелятивным» признаком оказывается разрывность составляющей (*tant... qu'il faut être prudent*). Однако, как показано, в частности, в [Srivastav 1991] для хинди, следует различать собственно коррелятивы и конструкции с вынесенной вправо зависимой клаузой, которые с синтаксической и семантической точек зрения мало чем отличаются от обычных относительных предложений. Конечно, ничто не мешает предложить определение, идентифицирующее в качестве коррелятивов любые относительные предложения с разрывными составляющими, но такое определение, как кажется, искусственно объединяет несколько различных типов конструкций.

Помимо подобных примеров со спорным статусом, Ж. Корменбёф также относит к «макросинтаксическим» (в его терминологии) коррелятивам соотношения типа *d'une part... d'autre part...*, а также в меньшей степени предложения вида *Il est à peine 8 heures et Eldoret est déjà une fourmillière*. В последнем случае, как

кажется, мы имеем дело лишь с «прагматической» зависимостью, которую едва ли следует формализовать конструкционно. Соотношение *d'une part... d'autre part...* является более сложным случаем, так как здесь мы действительно имеем дело с созависимостью двух элементов. Однако, на мой взгляд, и такие случаи все же не следует относить к коррелятивам, и соответствие здесь устанавливается исключительно за счет лексической семантики компонентов. В противном случае коррелятивами следует считать вообще все случаи употребления слов типа *другой*, поскольку они всегда требуют наличия в контексте или конситуации элемента, с которым производится сопоставление.

Статья И. Чхон-Жонен «La multidimensionalité de la corrélation» ставит своей задачей вписать конструкции, которые во французском языке принято считать коррелятивными, в контекст общей типологии коррелятивных конструкций. С этой целью автор рассматривает основные морфологические, синтаксические, семантические и дискурсивные свойства коррелятивов, выделенные в литературе, и на этом основании предлагает многофакторный подход к коррелятивной конструкции, который затем применяется к французскому языку.

Общее описание свойств коррелятивов в основном учитывает все ключевые результаты последних работ в данной области. Однако, на мой взгляд, некоторые свойства коррелятивов идентифицированы неточно, что оказывает существенное влияние на результат. Так, предложения вида *Les enfants étaient-ils un peu triste (qu')aussitôt leur mère les consolait* (с. 76) рассматриваются автором как отчасти близкие к коррелятивам, как кажется, лишь на основании того, что зависимая (первая) клауза является топиком. Но утверждение, что топикализация является базовым свойством коррелятивов, по меньшей мере спорно: если в ряде языков, например в венгерском [Lipták 2012], коррелятивы действительно обладают функцией топика, то во многих других случаях речь может идти только о схожем с топиками маркировании или о тождестве структурной позиции на левой периферии, но не о собственно дискурсивной функции. Например, в осетинском языке коррелятивы по сути являются единственной допустимой стратегией рестриктивной релятивизации, — едва ли можно говорить о том, что они всегда являются топикальными. Как кажется, никаких других оснований считать рассматриваемые французские конструкции подвидом коррелятивов нет (условная связь маркируется лишь порядком слов и факультативным союзом *que*, т. е. единицы, между которыми устанавливается коррелятивное соотношение, здесь отсутствуют).

В то же время весьма убедительно выглядит предложенный автором анализ условных конструкций с *si... alors...* как коррелятивных. Во многих языках, например в маратхи, подобные условные конструкции структурно ничем не отличаются от относительных коррелятивов [Pandharipande 1997; Bhatt, Pancheva 2006]. Единственным фактором, который, по мнению автора, отделяет эту конструкцию от канонических коррелятивов, является допустимость нескольких условных придаточных. Однако едва ли недопустимость нескольких зависимых клауз, отмечавшаяся для хинди [Grosu, Landman 1998], можно считать базовым признаком коррелятивов. «Наслоение» (stacking) зависимых клауз, по-видимому, все же встречается в некоторых вариантах хинди [McCawley 2004: 305], и оно безусловно было возможно в санскрите [Davison 2009]; также оно возможно в осетинском [Беляев 2014; Belyaev in print]. Поэтому французские условные конструкции такого рода можно без каких-либо особых оговорок считать коррелятивными.

В работе С. Мелле «Proposition pour fonder énonciativement l'unité des phénomènes de corrélation» на основании данных прежде всего латинского языка предлагается функционально-семантическое определение коррелятивной конструкции, которое, по мысли автора, способно охватить весь спектр ее формальных типов. Предлагаемое определение таково: «прототипическая коррелятивная структура... характеризуется операцией идентификации между двумя переменными, или, точнее, заполнением пустой аргументной позиции в p_2 (вторая клауза. — О. Б.) путем проведения ее идентификации с переменной, предварительно обозначенной в p_1 ». Интуитивная суть определения понятна, и оно достаточно широко, чтобы охватить различные семантические анализы коррелятивов. Так, как указывает сама С. Мелле, оно практически идеально соответствует анализу В. Сривастав [Srivastav 1991], в рамках которого зависимая клауза выступает как обобщенный квантификатор, а коррелят рассматривается как семантически пустой элемент («выраженный след») в главной клаузе. Также можно указать на анафорический анализ коррелятивов в хеттском языке, предложенный в [Hahn 1949], где относительная группа рассматривается как неопределенная ИГ, а коррелят — как местоимение, анафорически отсылающее к ней. Анафорический анализ также предложен для санскрита и хинди в [Davison 2009] и для осетинского в [Беляев 2011; Belyaev 2014].

Однако если подходить к определению С. Мелле более формально, то возникает вопрос о том, как именно следует понимать

«операцию идентификации» и «обозначение» (qualification) переменной. Ведь в самом широком смысле этому определению соответствуют вообще любые относительные предложения, ср. определение Э. Эндрюза: «относительное предложение (ОП) является зависимой клаузой, ограничивающей референцию ИГ, указывая на роль референта этой ИГ в ситуации, описанной ОП» [Andrews 2007: 206]. Если рассматривать ограничение референции как «идентификацию», а указание на роль референта ИГ в зависимой клаузе – как ее «обозначение», то определения практически эквивалентны. Как кажется, для того чтобы адекватно описать суть семантических отличий коррелятивов от других видов ОП, необходимо основываться на семантической теории, проводящей строгое различие между разными видами кореферентности и разными способами идентификации переменных, ср. различие между кореферентностью и связыванием переменной в формальной семантике [Partee 1978].

Второй раздел книги, «Corrélation morpho-syntaxique», посвящен анализу коррелятивов канонического типа в конкретных языках: латинском, русском и хинди.

В статье М. Фрюйи «La corrélation en latin: statut et évolution» подробно описывается система латинских коррелятивов, которые понимаются исключительно формально, как содержащие две «ассоциированные друг с другом лексемы, функционирующие как пара... как правило, подчинительный союз и неподчинительный анафорический элемент» (с. 109). Эта работа представляет большой интерес, так как, как было указано выше, латинские коррелятивы, несмотря на их высокую частотность в языке, довольно редко фигурируют в теоретических и типологических работах, посвященных этой конструкции. Особенно следует отметить введение в научный оборот примеров на употребление коррелятивов в значении причины (с. 125: *Hoc eo ad te scripsi quod...* 'я тебе это **потому** пишу, **что...**'), уступки (с. 126: *Quodsi summum gradum non attigero, tamen...* 'если я и не достигну высшей степени, **тем не менее...**') и даже сентенциального актанта (с. 132: *quod te de Tadiano negotio decidisse scribis, id ego Tadio et gratum esse intellexi...* 'что ты пишешь, что ты решил вопрос Тадия положительно, я понял, что **это** удовлетворило и Тадия...'). Если употребление коррелятивов для условия и уступки широко известно, то коррелятивы в значении сентенциальных актантов или причины практически никогда не упоминаются в литературе. В то же время, например, в осетинском коррелятивы стали одной из основных стратегий маркиро-

вания этих типов полипредикации [Belyaev 2014]. Хотя в латинском сентенциальные актанты и придаточные причины, выраженные коррелятивами, встречаются, как кажется, значительно реже, сам факт их существования говорит о том, что сфера употребления коррелятивов гораздо шире, чем собственно релятивизация, и типологически их следует рассматривать как особый тип сложного предложения.

Статья О.Ю. Иньковой «Domaines de la corrélation en russe» является одной из первых работ, в которых коррелятивы и смежные конструкции в русском языке последовательно рассматриваются как части единой системы. Как указывает автор, практически единственными исследованиями, специально посвященными русским коррелятивам, на сегодняшний день являются работы О.В. Митрениной [Митренина 2008; Mitrenina 2010; 2012] и К. Пайкиной [Paykin 2009]. Можно также отметить работу [Никунласси 2008], рассматривающую так называемые приместоименно-относительные конструкции в русском языке. Таким образом, работа О.Ю. Иньковой имеет большое значение для исследования русских коррелятивов. Особенный интерес, на мой взгляд, представляет разделение трех видов отношений между двумя клаузами: идентичности (identité), аналогии (analogie) и импликации (implication). В частности, последнее отношение важно отличать от двух первых: как показано, например, в работе [Arsenijević 2009], коррелятивы часто схожи с условными конструкциями как формально, так и семантически, и так называемая универсальная интерпретация (*Что посеешь, то и пожнешь*) в действительности обладает условной семантикой ('если посеешь x, то пожнешь x').

Хотелось бы лишь обратить внимание на примеры (a)–(d) на с. 178, взятые из статьи О.В. Митрениной [Mitrenina 2010]: *Какую машину он хотел, такую и купил; Какую он хотел, такую машину и купил* и т. д. О.Ю. Инькова вслед за О.В. Митрениной трактует существительное *машина* в таких конструкциях как именную вершину относительного предложения (внутреннюю и внешнюю). На мой взгляд, такая трактовка не является единственно возможной: можно сказать, что в данном случае релятивизуется не позиция прямого объекта зависимой клаузы (*он хотел X*), а позиция атрибута при прямом объекте зависимой клаузы (*он хотел машину вида X*), т. е. не индивид, а свойство. Это подтверждается тем, что элемент в главной клаузе не обязательно должен отсылать к тому же референту, что и группа *какую X*, ср. *Какой дом он хотел, такую квартиру и купил* – предложение допустимо,

если речь идет, например, о том, что человек хотел купить дорогой дом и в результате купил аналогичную по статусу квартиру. Сюда же относятся предложения типа *Каков поп, таков и приход*, с тем единственным отличием, что признак здесь находится не в атрибутивной, а в предикативной позиции. Собственно же именная вершина в коррелятивах в русском литературном языке, как кажется, использоваться не может (**Который человек не работает, тот не ест*; *??Какой человек не работает, такой не ест*), хотя подобные примеры встречаются в разговорной речи или в текстах, подражающих разговорному регистру, например: *Который бригадир умный – тот не так на работу, как на процентку налегает* (НКРЯ: А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)). Добавлю, что анализ примеров вида *какую... такую* в терминах релятивизации признака или анафорического подхода к коррелятивам не встречает затруднений: например, можно использовать теорию Дж. Кьеркии, в соответствии с которой признаки являются объектами, которые, как и индивиды, могут быть релятивизованы и к которым возможна анафора [Chierchia 1984; McNally 2009].

Статья А. Монто «De l'anaphore à la corrélation, en passant par la subordination en hindi moderne» посвящена коррелятивам в хинди – пожалуй, наиболее изученному случаю коррелятивной конструкции в языках мира. Однако и здесь, как хорошо показывает статья А. Монто, имеется ряд нерешенных вопросов. Прежде всего, автор показывает, что коррелятивы в хинди исторически восходят к соположению двух предложений с анафорической связью между их элементами. Это следует из того, что показатели релятивизации в хинди, восходящие к индоевропейской серии **jo-*, вероятнее всего, исторически произошли из демонстративов (что видно, например, из данных славянских языков и авестийского). И с синхронной точки зрения, как показывает автор, коррелятивы в хинди можно рассматривать в анафорических терминах; см. в этой связи также работу [Davison 2009].

Статья А. Монто интересна также тем, что в ней проводится сопоставление коррелятивов в хинди с другими подчинительными средствами в этом языке. Показано, что подчинительный союз *ki*, заимствованный из персидского языка и вводящий в числе прочего sententialные актанты, придаточные цели и причины, также имеет тенденцию к коррелятивному употреблению: он может дублироваться в главной клаузе указательным местоимением *yah* 'то', причем в некоторых случаях такое дублирование обязательно (с. 208). Кроме того, союз *yab* 'когда' может использоваться для маркирования

sententialных актантов ('я не знаю, когда придет Сита'), и в таком случае коррелятом оказывается не обычный *tab* 'тогда', а *yah* 'то' (с. 209). Это показывает, что хинди находится на промежуточной ступени на пути к системе, подобной осетинской, где практически все типы подчинения выражаются при помощи коррелятивов [Christol 1992; Belyaev 2014]. Однако употребление коррелятивов для маркирования причины или sententialных актантов практически не обсуждается в литературе, в результате чего в типологии сложилось не вполне точное представление о коррелятивах как о преимущественно релятивизирующей стратегии.

Третий раздел книги, «Structures isomorphes», посвящен феноменам, не подпадающим под определение коррелятивов в узком смысле, но формально схожим с ними: двойным сочинительным союзам (*и... и...*) и сравнительным коррелятивам (2).

В статье Ф. Муре «Sur la notion de 'corrélateur'» обсуждаются проблемы синтаксиса и семантики двойных союзов. Их сходство с каноническими коррелятивами определяется прежде всего наличием двух структурно связанных друг с другом элементов. Как указывает автор, если в случае с каноническими коррелятивами речь идет о грамматическом или, иначе говоря, конструктивном типе коррелятивов, то в случае с двойными союзами – о «морфологическом» типе. Автор также показывает, что двойные сочинительные союзы обнаруживают определенные сходства со сравнительными коррелятивами.

Ф. Муре принадлежит интересное наблюдение, связанное с семантикой двойных союзов. Как известно, сочинительные группы могут иметь две интерпретации, «групповую» (*Алан и Сослан вместе написали статью*) и «дистрибутивную» (*Алан и Сослан написали по статье каждый*). Как показывает автор, во французском языке двойные союзы не могут быть использованы ни в одном из этих контекстов: **Et Paul et Marie ont écrit ensemble un article*; **Et Paul et Marie ont écrit chacun un article*, но исключительно в немаркированном предложении вида *Et Paul et Marie ont écrit un article*, причем между конъюнктами должно устанавливаться отношение дискурсивного параллелизма (с. 223). Видимо, в этом французский язык отличается от русского, так как в русском языке предложение *И Алан, и Сослан написали каждый по статье*, как кажется, является допустимым, тогда как **И Алан, и Сослан вместе написали статью* некорректно, т. е. русские двойные союзы могут быть описаны как имеющие «дистрибутивную» интерпретацию, но не имеющие «групповой».

Статья П. Адерманн, М. Пьеррара, О. Руар и Д. ван Рамдонка «Les structures corrélatives en plus ... plus: le point de vue des marqueurs de liaison» посвящена сравнительным коррелятивам во французском языке. В предыдущих исследованиях [Hadermann et al. 2010] авторы пришли к выводу, что коррелятивная связь во французском языке представляет собой особый тип полипредикативного отношения, не сводимый к понятиям «сочинение» и «подчинение» и в то же время не являющийся промежуточным между ними. В настоящей работе предпринята попытка применить аналогичный подход не к самой полипредикативной конструкции, а к показателям синтаксической связи между ее компонентами. Авторы прослеживают процесс грамматикализации наречий в качестве показателей полипредикации. В то же время они указывают, что этот процесс не полностью завершен, и поэтому употребление этих наречий мотивировано в большей степени семантикой, чем синтаксисом конкретной конструкции (с. 246).

В статье Б. Каппелля «Le liage et la corrélativité en the... the..., construction que plus on l'étudie, plus on se questionne» содержится корпусное исследование возможности выноса аргументов из английских сравнительных коррелятивов. Утверждается, что сравнительные коррелятивы подчинительны в том смысле, что в них возможен вынос элементов из первой клаузы, т. е. нарушается ограничение на сочинительную структуру: *This is the sort of problem [which, [the sooner you solve _], [the more easily you'll satisfy the folks up at the corporate headquarters]]* [Culicover, Jackendoff 1999: 564]. Результат, к которому приходит автор, проиллюстрирован в самом заглавии его статьи: чаще всего в таких случаях используется резюмтив, а не ноль, т. е. мы заведомо не имеем дела с передвижением: *This is the sort of music that the more you hear it, the more you feel sad*. В некоторых случаях, по-видимому, употребление резюмтива является обязательным. Это является дополнительным аргументом в пользу аномального статуса сравнительных коррелятивов с точки зрения дихотомии сочинения и подчинения, который нуждается в объяснении в рамках предлагавшихся ранее анализов.

Последний, четвертый, раздел книги посвящен конструкциям, никак напрямую не связанным с коррелятивами, но тем не менее в широком смысле близким к ним в том, что касается повторения нескольких элементов или соответствия между ними.

Статья Э. Мандзотти «Come ... così ..., così come De quelques cas de comparaison corrélativité (et non corrélativité) en italien» посвящена сравнительным конструкциям в итальянском языке, в особенности тем, где имеется

соответствие между *come* 'как' и *così* 'так': *Lei è sveglia, così come sua sorella; Come è sveglia sua sorella, così è sveglia lei*. Интересно, что в конструкциях второго типа, т. е. в коррелятивах в узком смысле, невозможен обратный порядок *così... come*; также весьма желательным является параллелизм в порядке слов, который к тому же довольно сильно ограничен: **Come sua sorella è sveglia, così lei è sveglia*. Кроме того, как показывает автор, коррелятивный вариант допустим далеко не для всех сравнительных конструкций, например: *Taceva imbronciato, così come se fosse di malumore; *Come se fosse di malumore, così taceva (imbronciato)* (с. 293). Между этими примерами, по мысли автора, имеется семантическое различие: коррелятивное употребление допустимо в случае, если *così* и *come* используются в прямом, «объективном» смысле, обозначая образ действия или степень признака, но недопустимо, если мы имеем дело с «интерпретативным» употреблением *così* и *come*, как в последнем примере, где речь идет об оценке некоторой гипотетической ситуации.

В статье М. Дальма «Les corrélatifs de l'allemand et leur rôle dans la structure informationnelle de l'énoncé» рассматривается использование местоименных коррелятов в немецких полипредикативных конструкциях, например: *Er hat es begrüßt, dass fast alle Eltern von schulpflichtigen Schülern gekommen waren* (с. 310). При этом в данном случае опущение коррелята невозможно: **Er hat, dass fast alle Eltern von schulpflichtigen Schülern gekommen waren, begrüßt*. В статье рассматриваются различные типы подобных пропозициональных коррелятов и их грамматические позиции. Особое внимание автор уделяет случаям, в которых коррелят является факультативным. Как показывает М. Дальма, с рядом глаголов (*beobachten* 'наблюдать', *sagen* 'говорить', *erlauben* 'разрешать' и др.) коррелят может употребляться только в случае, если содержание сентенциального актанта упоминалось ранее: *Wann habt ihr es gesagt, dass ihr schwanger seid...* (с. 317) Тогда зависимая клауза рассматривается как топик. С рядом других глаголов (*bedauern* 'сознать', *ablehnen* 'отказывать', *hassen* 'презирать' и др.) употребление коррелята свободнее, но в целом можно сказать, что он используется для маркирования фокуса. Таким образом, функция коррелята в немецком языке различна в зависимости от класса глагола, с которым он употребляется. Это напоминает данные осетинского языка, где местоименный коррелят в сентенциальных актантах также факультативен и обозначает либо фактивность, либо топикальность, либо —

в случае его нахождения в предглагольной позиции – фокусный статус зависимой клаузы. При этом функциональная нагрузка коррелята также в значительной степени определяется семантикой матричного глагола [Serdobolskaya in print].

Статья Ф. Гаше «Constructions à télescope temporel» посвящена разнородному классу французских конструкций, которые часто рассматривают в качестве коррелятивных: *Nous ne sommes pas encore fiancés, et déjà nous n'avons plus rien à nous dire; À peine un prix est-il décerné qu'aussitôt on fourbit ses armes pour le prochain combat*. Несмотря на различный синтаксический статус и использование разных союзов, эти конструкции объединяет то, что некоторый элемент в первом предложении «предвосхищает» соответствующий ему элемент во втором предложении и в сумме эти элементы выражают определенный вид темпоральной связи между предикациями. Автор разрабатывает семантическую схему подобных конструкций и последовательно рассматривает каждую из них в рамках этой схемы. Особый интерес представляют два вопроса: во-первых, каков статус конструкций с *que* с точки зрения противопоставления сочинения и подчинения; во-вторых, насколько каждую из подобных конструкций можно считать коррелятивной. На первый вопрос автор отвечает следующим образом: *que* не маркирует иерархической связи между пропозициями и в таком смысле не является подчинительным, но при этом его функция состоит в том, что он показывает синтаксическую «взаимозависимость» двух клауз. Что касается второго вопроса, то, как указывает Ф. Гаше, ответ на него зависит от того, какое определение коррелятивов используется: если исходить из того, что коррелятивной является любая структура, в которой имеет место синтаксическая взаимозависимость двух пропозиций, то конструкции с *que* являются коррелятивными. Если же включать в этот класс и конструкции с прагматической взаимозависимостью, то коррелятивными оказываются все рассматриваемые примеры. Однако, как было указано мною выше, ценность подобных определений не очень высока: ведь ту или иную степень синтаксической, семантической и тем более прагматической взаимозависимости проявляют все виды относительных предложений и смежных с ними типов (временных, условных и т. п.). Тем самым вывод о «коррелятивности» той или иной конструкции в рамках данной парадигмы не обладает типологической или теоретической релевантностью, пока не предложено строгое, ограничительное и однозначно применимое определение понятия

«взаимозависимости» на каждом из уровней грамматики.

Последняя статья в сборнике принадлежит Л. Барандзини и называется «La structure (per) V_x INF, V_x FIN en italien». Она посвящена конструкциям вида *In quanto a dormire, dorme* или *(Per) dormire, dorme* в итальянском языке. По своему значению они аналогичны русским предложениям вида *Спать-то он спит*. Как показывает автор, итальянские конструкции обладают рядом морфосинтаксических отличий друг от друга: так, конструкция с нулевым маркированием употребляется не только с глаголами, но и, например, с прилагательными, тогда как такое употребление невозможно в конструкциях с предлогами: *Carina, è carina; *In quanto a carina, è carina*. Напротив, отрицание допустимо только с предлогом, причем в таком случае оно должно присутствовать в обоих компонентах: *Per non parlare, non parla; *Per parlare, non parla; *Non studiare, non studia* (с. 349). Автор сопоставляет эту конструкцию с топикализацией типа «hanging topic»: *Le vacanze, non so proprio cosa fare, quest'anno* (с. 352). При выносе инфинитива его нельзя «восстановить» в основной предикации; точно так же и вынесенная влево ИГ при подобного рода топикализации не поддается восстановлению. Поэтому единообразный анализ этих явлений совершенно оправдан. Что касается семантико-прагматических функций конструкций, то они, по мнению Л. Барандзини, состоят в сочетании трех операций: (а) топикализация информации, представленной как уже активированная; (б) ассерция этой информации; (в) противопоставление ее правому контексту и отмена ожидаемых следствий из описываемой ситуации. Третье требование хорошо видно из следующего примера: [*Il mio pesciolino*] *Mangiare mangia, ma non gira, non si alza mai dalla sua posizione sul fondo* (с. 355).

В качестве заключения следует сказать, что выход в свет рецензируемого сборника статей представляет собой важный шаг вперед в исследовании коррелятивных конструкций в языках мира. Особенно значимо то, что в центре внимания оказались не хорошо известные из литературы примеры коррелятивов, а конструкции, лежащие на периферии этой области, а также языки, в которых коррелятивные конструкции практически не изучены или данные которых редко фигурируют в типологических и теоретических работах. Книга содержит массу ценнейших сведений и оригинальных аналитических решений и представляет большой интерес для всех лингвистов, интересующихся типологией коррелятивов, а также, шире, полипредикативных конструкций в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белошапкина 1989 – Белошапкина В.А. (ред.). Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989.
- Беляев 2011 – Беляев О.И. Коррелятивность в коррелятивах: связывание переменной или анафора? // *Acta linguistica petropolitana. Труды ИЛИ РАН*. Т. 7. Ч. 3. СПб.: Наука, 2011. С. 261–269.
- Беляев 2012 – Беляев О.И. Коррелятивная конструкция и конструкция относительно предложения с внутренней вершиной в бесермянском диалекте удмуртского языка // Кузнецова А.И., Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю., Сай С.С., Калинина Е.Ю. (ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 647–679.
- Беляев 2014 – Беляев О.И. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014.
- Зализняк, Падучева 1975 – Зализняк А.А., Падучева Е.В. К типологии относительного предложения // *Семиотика и информатика*. 1975. № 6. С. 51–101.
- Митренина 2008 – Митренина О.В. Синтаксис коррелятивных конструкций русского языка с позиций генеративной грамматики // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2008. № 7. С. 356–360.
- Никунласси 2008 – Никунласси А. Приместоименно-относительные конструкции в современном русском языке. Helsinki: Helsinki University Press, 2008.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>
- Andrews 2007 – Andrews A. Relative clauses. *Language typology and syntactic description*. Shopen T. (ed.). Vol. 2: Complex constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 206–236.
- Arsenijević 2009 – Arsenijević B. {Relative {conditional {correlative clauses}}}. *Correlatives cross-linguistically*. Liptak A. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 131–156.
- Belyaev 2014 – Belyaev O. Anaphora in Ossetic correlatives and the typology of clause combining. *On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Suihkonen P., Whaley L.J. (eds) Amsterdam: John Benjamins, 2014. Pp. 275–310.
- Berrendonner 2012 – Berrendonner A. Autour de la rection. *Penser les langues avec Claire Blanche-Benveniste*. Caddéo S., Roubaud M.-N., Rouquier M., Sabio F. (eds). Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2012. Pp. 83–91.
- Bhatt 2003 – Bhatt R. Locality in correlatives. *Natural language and linguistic theory*. 2003. Vol. 21. Pp. 485–541.
- Bhatt, Pancheva 2006 – Bhatt R., Pancheva R. Conditionals. *The Blackwell companion to syntax*. Vol. 1. Everaert Z.M., van Riemsdijk H., Goedemans R., Hollebrandse B. (eds). Oxford: Blackwell, 2006. Pp. 638–687.
- Cable 2009 – Cable S. The syntax of the Tibetan correlative. *Correlatives cross-linguistically*. Liptak A. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 195–222.
- Chierchia 1984 – Chierchia G. *Topics in the syntax and semantics of infinitives and gerunds*. PhD thesis. Amherst: University of Massachusetts, 1984.
- Christol 1992 – Christol A. Autour des corrélatifs ossètes. *Caucasologie et mythologie comparée*. Paris C. (éd.). Paris: SELAF, 1992. Pp. 305–318.
- Culicover, Jackendoff 1999 – Culicover P.W., Jackendoff R. The view from the periphery: the English comparative correlative. *Linguistic inquiry*. 1999. No. 30. Pp. 543–571.
- Davison 2009 – Davison A. Adjunction, features and locality in Sanskrit and Hindi/Urdu correlatives. *Correlatives cross-linguistically*. Liptak A. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 223–262.
- Grosu, Landman 1998 – Grosu A., Landman F. Strange relatives of the third kind. *Natural language semantics*. 1998. Vol. 6. Pp. 125–170.
- Hadernmann et al. 2010 – Hadernmann P., Pierrard M., van Raemdonck D., Wielemans V. Les structures corrélatives: pour une inscription dans les sous-systèmes parataxe/hypotaxe et coordination/subordination. *La parataxe*. Béguelin M.-J., Avanzi M., Corminbœuf G. (éds). T. 2. Berne: Peter Lang, 2010. Pp. 219–239.
- Hahn 1949 – Hahn E.A. The non-restrictive relative in Hittite. *Language*. 1949. T. 25. No. 4. Pp. 346–374.
- Hale 1976 – Hale K. The adjoined relative clause in Australia. *Grammatical categories in Australian languages*. Dixon R.M.W. (ed.). Atlantic Highlands (NJ): Humanities press, 1976. Pp. 78–105.
- Haudry 1973 – Haudry J. Parataxe, hypotaxe et corrélation dans la phrase latine. *Bulletin de la société de linguistique de Paris*. 1973. T. 68. No. 1. Pp. 147–186.
- Lehmann 1984 – Lehmann C. *Der Relativsatz: Typologie seiner Strukturen, Theorie seiner Funktionen, Kompendium seiner Grammatik*. Tübingen: Narr, 1984.
- Lipták 2009 – Lipták A. (ed.). *Correlatives cross-linguistically*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009.

- Lipták 2012 – Lipták A. Correlative topicalization. *Acta linguistica hungarica*. Vol. 59. 2012. No. 3. Pp. 245–302.
- McCawley 2004 – McCawley J.D. Remarks on adsentential, adnominal and extraposed relative clauses in Hindi. *Clause structure in South Asian languages*. Dayal V., Mahajan A. (eds). Dordrecht: Kluwer, 2004. Pp. 291–311.
- McNally 2009 – McNally L. Properties, entity correlates of properties, and existentials. *Quantification, definiteness and nominalization*. Gianakidou A., Rathert M. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 163–187.
- Minard 1936 – Minard A. *La subordination dans la prose védique*. Paris: Les Belles Lettres, 1936.
- Mitrenina 2010 – Mitrenina O. Correlatives: Evidence from Russian. *Formal studies in slavic linguistics: Proceedings of Formal description of Slavic languages 7.5*. Zybatow G., Dudchuk P., Minor S., Pshehotskaya E. (eds). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. Pp. 135–152.
- Mitrenina 2012 – Mitrenina O.V. The syntax of pseudo-correlative constructions with the pronoun *kotoryj* ('which') in Middle Russian. *Slověne*. 2012. No. 1. C. 61–73.
- Nikitina 2012 – Nikitina T. Clause-internal correlatives in Southeastern Mande: A case for the propagation of typological rara. *Lingua*. 2012. No. 122. Pp. 319–334.
- Pandharipande 1997 – Pandharipande R.V. *Maraṭhi: a descriptive grammar*. London: Routledge, 1997.
- Partee 1978 – Partee B. Bound variables and other anaphors. *Theoretical issues in natural language processing 2 (TINLAP-2)*. Waltz D.L. (ed.). Urbana (IL): University of Illinois, 1978. Pp. 79–85.
- Paykin 2009 – Paykin K. Structures comparatives en russe, le cas particulier des structures en *čem-tem*. *Langages*. 2009. No. 174. Pp. 83–98.
- Serdobolskaya in print – Serdobolskaya N. Semantics of complementation in Ossetic. *Semantic functions of complementizers in European languages*. Kehayov P., Boye K. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter. In print.
- Srivastav 1991 – Srivastav V. The syntax and semantics of correlatives. *Natural language and linguistic theory*. 1991. Vol. 9. Pp. 637–686.

О.И. Беляев

Сведения об авторе:

Олег Игоревич Беляев
Институт языкознания РАН / МГГУ
им. М.А. Шолохова
obelyaev@gmail.com

Information about the author:

Oleg I. Belyaev
Institute of linguistics (RAS) / Sholokhov Moscow
state university for the humanities
obelyaev@gmail.com
Moscow / Russia

G. Polian. Gramática del tseltal de Oxchuc. T. 1–2. México: Centro de investigaciones y estudios superiores en antropología social, 2013. 964 p. (Publicaciones de la Casa Chata.) ISBN 978-607-486-221-8.

Жиль Полиан работает с языком цельталь уже более пятнадцати лет. В 2004 г. в Париже он защитил диссертацию под названием «*Éléments de grammaire du tseltal*», которая стала результатом его шестилетней работы с носителями этого языка. В 2006 г. он опубликовал свою «первую» версию цельтальской грамматики на французском языке [Polian 2006]. В 2006–2010 гг. под его руководством в Учебно-образовательном центре по социальной антропологии (CIESAS) в г. Сан-Кристьяль-де-лас-Касас (Мексика) велась работа по документированию языка цельталь, которая была поддержана двумя грантами HRELP (Hans Rausing endangered languages project). Таким образом, данная двухтомная испано-язычная грамматика является своего рода финальным аккордом продолжительной и пло-

дотворной теоретической и полевой работы ее автора.

Грамматика Ж. Полиана описывает один диалект цельталь – диалект селения Ошчук. Цельталь условно делится на три диалектные зоны (север, центр, юг), и Ошчук принадлежит к центральной зоне. Как отмечается на с. 36, все диалекты цельталь взаимопонятны, хотя и имеют различия на всех языковых уровнях от фонологии до синтаксиса. Задачей автора является максимально подробное синхронное описание одного диалекта. Хотя в различных местах грамматики иногда проводятся параллели с другими диалектами цельталь, а также с соседними языками майя (прежде всего с цоцилем и чолем), диалектологическое и сравнительно-историческое исследования сознательно оставлены за рамками данной работы.